

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 26-го Января 1914 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11860.

„ЦАРЬ ИУДЕЙСКІЙ“.

(Изъ разговоровъ и впечатлѣній).

Съ того времени, какъ я по телефону передалъ о первомъ впечатлѣніи, произведенномъ этой исключительной по замыслу, красотѣ и великой, обуревающей идеѣ драмой, прошло уже три дня—и впечатлѣніе остается все-таки такимъ же сильнымъ, какъ и въ первые часы послѣ видѣнія.

Такъ говорятъ всѣ видѣвшіе драму—и это единодушное мнѣніе людей, мѣщихъ, вѣдь, прийти въ себя послѣ экстаза—служитъ вѣрнымъ показателемъ того, что въ лицѣ этой мистеріи мѣровая литература пріобрѣла исключительное выдающееся произведеніе духа человѣческаго.

Мнѣ рассказываютъ, что Августѣйшій авторъ драмы три десятилѣтія носился съ мыслью воплотить въ формѣ драматического произведенія идею величайшей въ мірѣ трагедіи человѣчества и, конечно, выношенная въ душѣ, взлѣянная мечта, осуществившись, нашла достойную для себя форму. Пишуши эти стро-ки не считаетъ, однако, возможнымъ коснуться близкихъ, хотя и родственныхъ по духу каждому культурному че-ловѣку. четь характера творчества автора драмы, несмотря на всю авторитетность источника, откуда я ихъ почерпнулъ. Не считаю также возможнымъ на столбахъ газеты распространяться объ игрѣ и исполненіи артистовъ, о мукахъ ихъ творчества, хотя и знаю, сколько сить положено было на это дѣло и режиссеромъ Ардатовыемъ, и артисткой М. А. Ведринской, талантъ которой я такъ цѣню.

Но обѣ одномъ обстоятельства нельзя не упомянуть.

Хотя постановка „Царя Иудейскаго“ дѣло интимное, хотя онъ

ПУТИВЛЬСКАЯ ТРАГЕДІЯ.

Входъ въ путивльскій Молченскій Печерскій монастырь.—Направо два окна спальни епископа Іоанникія.

Погребеніе епископа Іоанникія.

представляетъ собою часть знаменитыхъ „Измайловскихъ досуговъ“, и уважаемый секретарь ихъ называетъ насъ, представителей печати, гостями Высокаго хозяина театра, но какъ жаль, что народъ, общество не увидѣть этой драмы! Какъ жаль, что ей не суждено увидѣть рампы!

Конечно, каждый читатель вскорѣ прочтетъ ее; но то, что написано для театра, не можетъ произвести, вѣдь, того же впечатлѣнія и въ чтеніи... Духовная цензура—крѣпкій заборъ: черезъ него не перескочить никому: она совершенно отрицає театръ, какъ учреждение богомерзкое, бѣсовское „игрище“—и это отрицаніе абсолютное. Гдѣ уже тутъ расчитывать на постановку драмы, хотя бы на сценѣ тѣхъ же Императорскихъ театровъ?

II.

Не все въ этомъ представлениі могло быть дано, и главные лица, дѣйствія которыхъ обрисованы авторомъ, не появляются. Правда, этого не ощущаешь, благодаря только удивительной формѣ передачи содержанія, но, вѣдь, и это условность—и условность большая, какъ и все почти въ театрѣ.

Но все остальное възсоздано, дѣйствія всѣхъ лишь подготовляютъ все событие, величайшее событие, центральный пунктъ драмы мистеріи, сквозь воздействиѳ событий на другихъ людей.

Теперь, конечно, излишне говорить о содержаніи драмы.

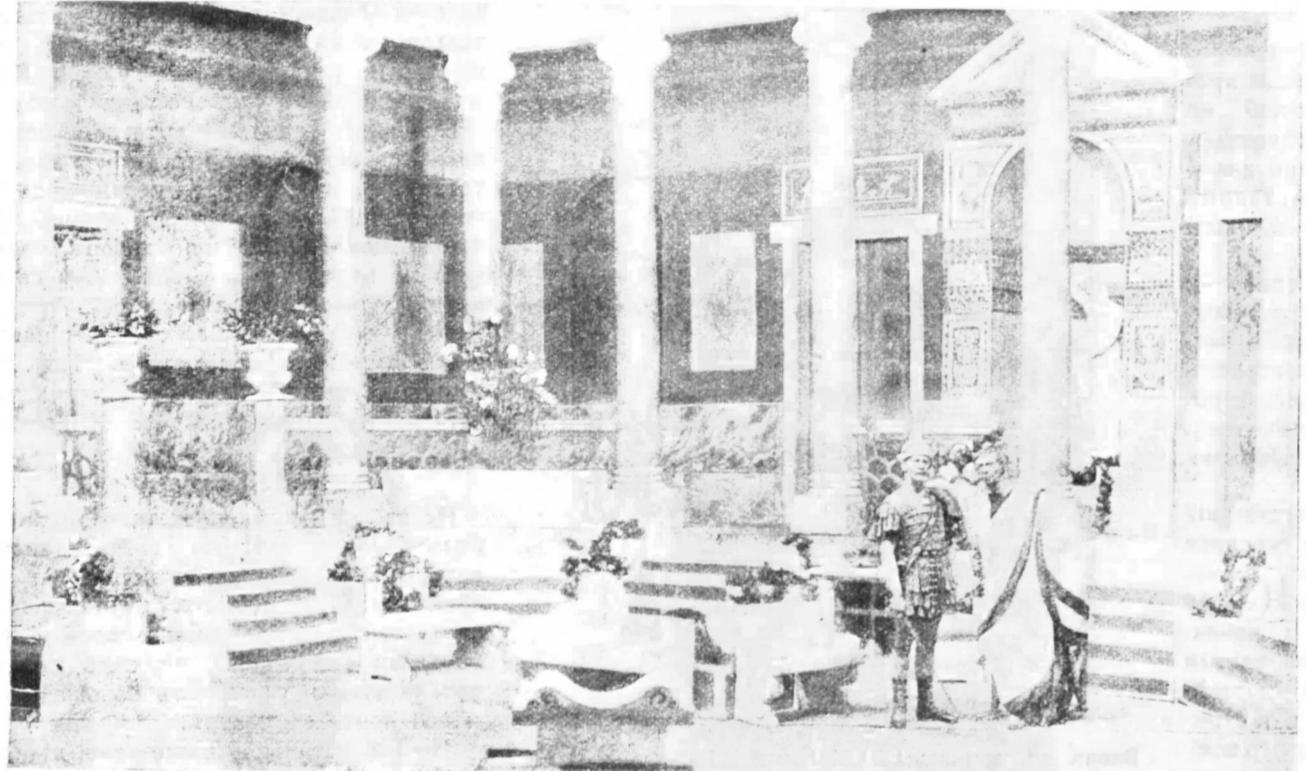
Это сказаніе Евангелія въ звучныхъ, красивыхъ стихахъ, безъ отступленій отъ источника, уложенное въ пяти картинахъ. Именно картинахъ, а не актахъ. Ию всѣ эти краски, стихи, декораціи, музыка, танцы—картины художника, а не дѣйствія живыхъ лицъ.

Конечно, улица Йерусалима не есть подлинная улица священнаго города съ его солнцемъ, пылью,

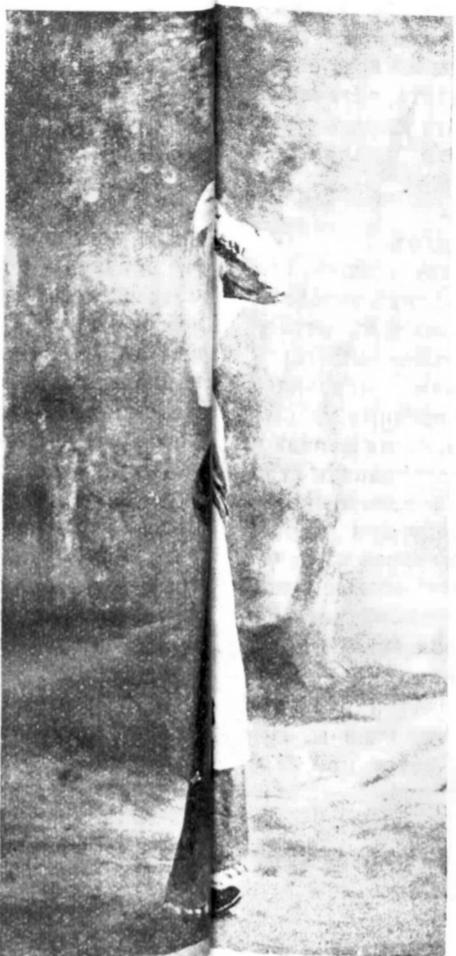

Путивль.

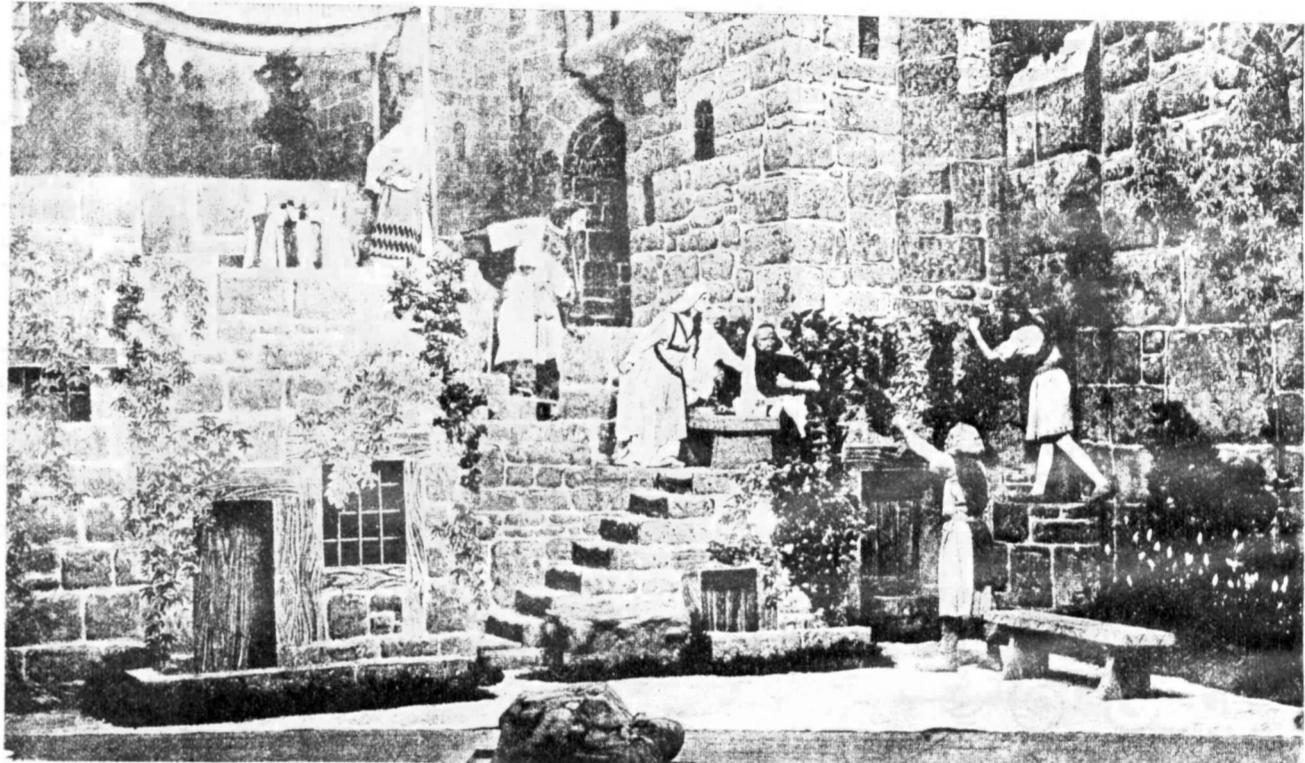
„ЦАРЬ ИЗЕЙСКИЙ“.

Дворец Пилата (II действие).

Великий Князь Константинович в роли Иисуса.

Никодимъ (кап. Чигаевъ), Иосифъ Аримаѣскій (Вел. Кн. Константина Константиновичъ), Иоанна (М. А. Ведринская), Вартимей (кап. Архиповъ), Симонъ (ген.-майоръ Тепловъ) и Руѣ (князь Игорь Константиновичъ).
«Ведуть!» Слышны голоса: «Иисусъ Назареи!», царь Іудейскій!» (III действие, 1-я карта).

группами людей, но все, что въ состояніи дать современное искусство, здесь дано.

Загоревшія евреи, римляне, мулы, гранитъ, зелень растеній, звуки городскіе—все это приблизилось къ дѣйствительности настолько, наскълько это возможно при нынѣшнихъ техническихъ средствахъ.

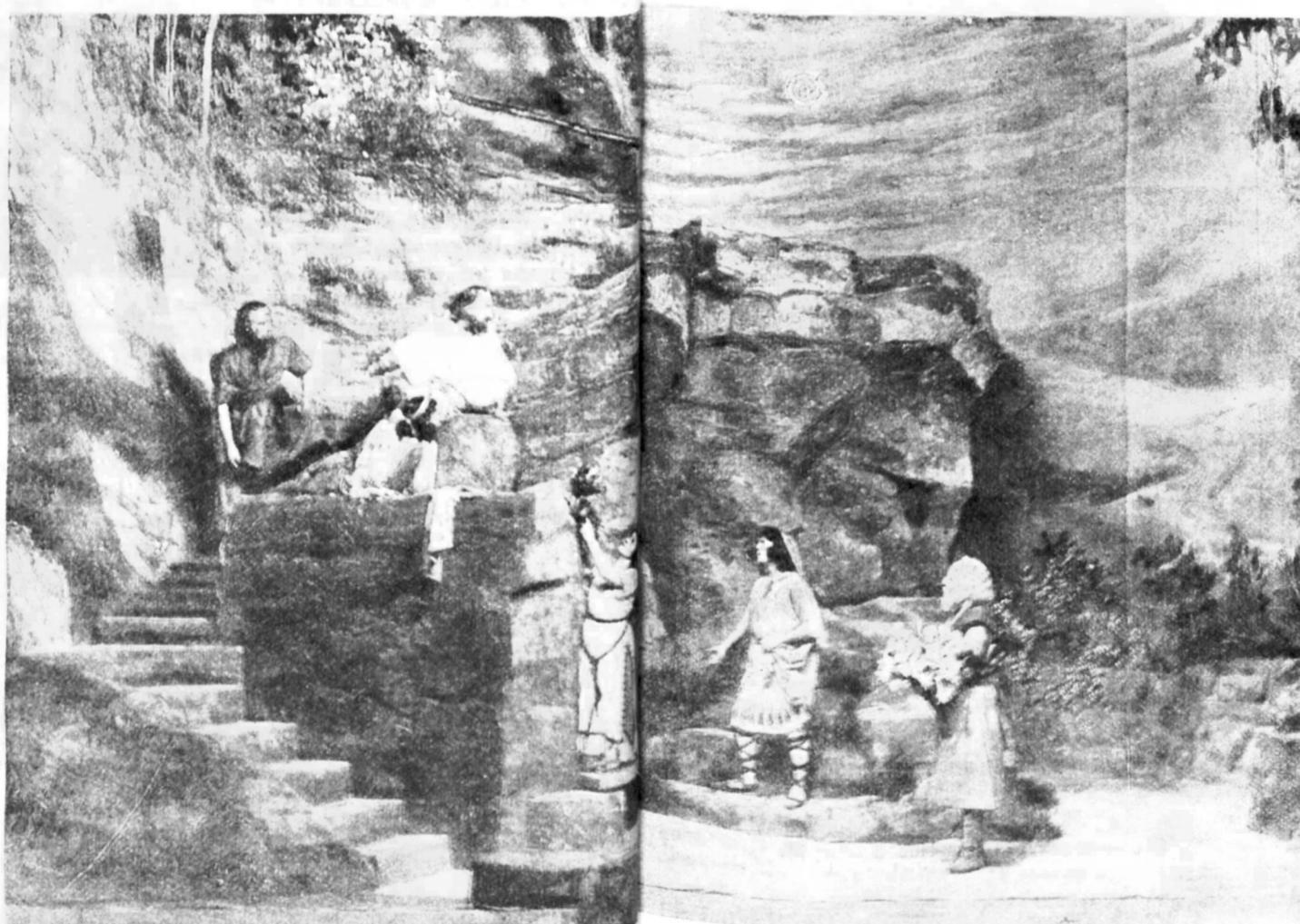
Возьмите шествіе величественное, красочное, несение Иоанны на носилкахъ, съ музыкой, гладиаторами, толпой; вѣдь, забываешь, что дѣйствіе происходитъ въ театре!

Мы разсказывали, сколько труда и средствъ потрачено на обстановку! Конечно, все сдѣлано для успѣха, но какъ сдѣлано! Это былъ какою то пиръ красокъ!

А музыка и танцы? А К. Глазунова у удалось сдѣлать нечто совершенно геніальное, вдохновленное чувствомъ христіанства и артиста Божіей милостью. Хоры, грубы левитовъ, ассирийскіе танцы, пастушескія пѣсни, вступление къ третьему акту гдѣ надо передать силу факатической толпы, или мракъ четвертой картины, или уминаящая, свѣтлая музыка Воскресенія—не сонъ ли это? Дѣйствительно ли люди могутъ такъ творить? О, если такъ, если такова сила искусства, если художникъ-декораторъ, композиторъ, актеръ и авторъ могутъ создавать такую сим-

Князь Константина Константиновичъ въ роли префекта когорты.

Вартимей (кап. Архиповъ), Иосифъ Аримаѣскій (Вел. Кн. Константина Константиновичъ), Лія (Е. И. Тиме), Александръ (М. А. Владиленовъ).
Садъ Иосифа Аримаѣскаго, где Христосъ поконится въ скалѣ. Вѣрующіе приходятъ украсить Его гробъ.

Князь Игорь Константина Константиновичъ въ роли Руѣ, поселенника.

фоню, то бѣдемъ же отъ искреннаго сердца кричать:

— Слава искусству! Да будетъ оно бессмертнымъ!

III.

Невозможно отрѣшиваться и отъ того, где происходитъ дѣйствіе мистеріи. Можно влюбиться въ этотъ театръ Эрмитажа, съ его историческими воспоминаниями и цѣнѣнѣшими произведеніями искусства.

Духъ Екатерины II осяляетъ этотъ залъ, поднимающійся крутымъ амфитеатромъ съ глубокой сценой, съ дива чиками и проходами, дѣлающими залъ интимнымъ и уютнымъ.

А атрактъ? Никто не шумѣть, не восторгаться, не дѣлиться своими впечатлѣніями, а каждый переживаль картину и засечея. Хотѣлось, по словамъ одного изъ моихъ коллегъ, уйти домой, переживъ у себя наединѣ видѣніе и лишь тогда дѣлиться своимъ восторгомъ и радостью, ибо раздѣленная радость—двойная радость.

На спектакль не было отдельныхъ людей, не было раздѣленія между особами, сансовниками, ихъ жечами и писателями, художниками, журналистами: были только умиленные зрители.

И думается мнѣ: почему же не дать этой мистеріи увидѣть свѣтъ широкаго, доступнаго театра? Опасаться, что это подорветъ

религиозное чувствование? Наоборотъ. Думается мнѣ, что человѣкъ, мало религиозный, можетъ, именно, почувствовать въ себѣ глубокое христианское чувство! Если бы запретъ исходилъ отъ какой либо власти, которая не признаетъ началъ Евангелия, тогда пришлось бы смириться передъ этимъ. Но запрещать гимнъ, торжествующий и захватывающей гимнъ Спасителю, я не знаю, кто можетъ этому сочувствовать, кто не посвѣтуетъ горько на это? И именно тѣ, которые были на драмѣ, въ одинъ голосъ говорятъ, что болѣе возвышающаго душу зрелища имъ не приходилось наблюдать, такъ что высказываемое мнѣніе не единичное.. Только глубоко, искренне и чисто вѣрующій чело вѣкъ могъ написать такое произведение—и не онъ пошелъ бы противъ Великой Идеи. Такъ что, страхи напрасны, драма эта не только можетъ, но и должна стать доступной для всѣхъ.

Говорятъ, что ее возобновятъ въ Эрмитажѣ, но многіе ли получать туда доступъ? Не мало дивились тѣни, посѣтившія нынѣшний Измайловскій Досугъ, „смѣшенному“ обществу нашихъ дней!

Л. Незнамовъ.

М. Горький.

(По поводу возвращенія въ Россію).

Послѣ смерти „Желѣзной маски“ лицо его было обезображенено сѣрной кислотой изъ боязни, чтобы онъ не былъ узнанъ. Вся мебель, которая находилась въ его комнатѣ, была сожжена; оно содраны и сожжены. Словомъ, огню было предано все, окружавшее „маску“ въ мѣстѣ заточенія, такъ какъ опасались, что узникъ могъ такъ или иначе оставить послѣ себя какія-либо данные о себѣ.

Морозный ударъ.

Французскія газеты сообщаютъ, что въ Нантѣ вовремя послѣднихъ морозовъ три священника, служившіе въ нетопленныхъ храмахъ съ обнаженными головами, сдѣлялись жертвами „морознаго удара“. Въ Россіи „морозные удары“ совершенно неизвѣстны, но на Западѣ и Югѣ, гдѣ не умѣютъ предохранять себя отъ холода, такіе случаи довольно часты. Подобно солнечному удару, при „морозномъ ударѣ“ приливаетъ кровь къ головѣ, и прекращается дѣятельность сердца.

Точно также въ Россіи неизвѣстны и такъ называемые „энжелюры“—особый видъ замерзанія конечностей,—при которыхъ конечности болятъ и пухнутъ, хотя онъ и вовсе не отморожены. Нерѣдко эта болѣзнь случается при температурѣ 2—4 град. тепла.

СМѢСЬ.

Тайна „Желѣзной маски“.

Кто скрывался подъ желѣзной маской, томясь въ заточеніи въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій?

Предположеній было много, одно фантастичнѣй другого. Въ свое изысканіе историки и ученые позднѣйшихъ временъ надѣвали эту желѣзную маску и на герцога Вермандуа, сына Людовика XIV, и на Лавальеръ, который за пощечину, данную имъ дофину, наказанъ былъ вѣчнымъ заключеніемъ, и на старшаго брата Людовика XIV, сына австрійской королевы и герцога Буккінгема, и на Маттіоли, министра Карла Фердинанда, герцога Мантуи, заключеннаго за выдачу астрономамъ государственной тайны и т. д.

Въ настоящее время занимающій весь учѣный місъ вопросъ о томъ, кто былъ „Желѣзной маской“, считается разрѣшеннымъ. „Желѣзная маска“, по утвержденію француза Ривэ, былъ незаконнымъ сыномъ королевы Ачны Австрійской и кардинала Мазарини. Когда Мазарини скончался, на сына его была надѣта черная бархатная маска съ желѣзными закрѣпами. „Желѣзную маску“ заточили сначала въ крѣпость на о. св. Маргариты, а потомъ въ Бастилию, гдѣ онъ и скончался, пробывъ въ заточеніи 42 года.

Тайный советникъ Л. С. Поляковъ,

одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей московскаго финансового и коммерческаго міра. Онъ началъ свою дѣятельность службой въ качествѣ простого кантонщика, а закончилъ ее миллионеромъ. Покойный—уроженецъ Орина, родился въ 1842 г. въ бѣдной еврейской семье. Скончался 12 января въ Парижѣ.

Извѣстная итальянская артистка

Марія Лябіа.

(Къ гастролямъ въ Новой опера).